Мощи / новелла

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Мощи / новелла МОЩИ

Господину аббату Луи д’Эннемар в г. Суассоне.
Дорогой аббат!
Итак, свадьба моя с твоею кузиной расстроилась и притом самым глупым образом, из-за нехорошей шутки, которую я невольно сыграл с моею невестою.
Очутившись в затруднительном положении, прибегаю к твоей помощи, мой старый друг, потому что ты можешь вызволить меня из беды. Я буду тебе за это благодарен по гроб жизни.
Ты знаешь Жильберту, или, скорее, думаешь, что знаешь, — можно ли вообще знать женщин? Все их мнения, верования и мысли полны таких неожиданностей! Все это у них одни увертки, хитрости, непредвиденные, неуловимые доводы, логика наизнанку, а также упорство, которое кажется непреклонным и вдруг исчезает потому только, что какая-то птичка прилетела и села на выступ окна.
Не мне извещать тебя, что твоя кузина, воспитанная белыми или черными монахинями города Нанси, до крайности религиозна.
Тебе это лучше известно, чем мне. Но ты, без сомнения, не знаешь, что она восторженна во всем, как и в своем благочестии. Она увлекается, как листок, несомый ветром, и в то же время она в большей степени, чем кто бы то ни было, женщина или, вернее, молодая девушка, способная мгновенно растрогаться или рассердиться, вмиг вспыхнуть любовью или ненавистью и так же быстро остыть; к тому же она красива… как ты знаешь, и до того очаровательна, что нельзя и выразить… Но этого ты не узнаешь никогда.
Итак, мы были помолвлены; я обожал ее, как обожаю и до сих пор. Она тоже, по-видимому, любила меня.
Однажды вечером я получил телеграмму, вызывавшую меня в Кельн к больному на консультацию, за которой могла последовать серьезная и трудная операция. Так как я должен был ехать на другой день, то побежал проститься с Жильбертой и объяснить

ей, почему я не смогу прийти обедать к моим будущим тестю и теще в среду, а приду только в пятницу, в день возвращения. Ох, берегись пятниц, уверяю тебя: это зловещие дни!

Когда я заговорил об отъезде, то заметил в ее глазах слезинки, но когда сказал о скором возвращении, она тотчас же захлопала в ладоши и воскликнула:

— Какое счастье! Привезите мне что-нибудь оттуда, какой-нибудь пустяк, просто что-нибудь на память, но только вещицу, выбранную для меня. Вы должны угадать, что доставит мне всего больше удовольствия, слышите? Я увижу, есть ли у вас воображение.

Она с минуту подумала, затем сказала:

— Я запрещаю вам тратить на это более двадцати франков. Мне хочется, сударь, чтобы меня тронуло ваше желание, ваша изобретательность, а вовсе не цена.

Затем, снова помолчав, она вполголоса сказала, опуская глаза:

— Если это вам обойдется недорого и если будет остроумно и тонко, я… я вас поцелую.

На другой день я был уже в Кельне. Дело касалось несчастного случая, ужасного случая, повергшего в отчаяние целую семью. Ампутация была необходима немедленно. Мне отвели помещение, где я жил почти взаперти; кругом я только и видел заплаканных людей, и это действовало на меня отупляюще; я оперировал умиравшего, который чуть не скончался у меня под ножом; я провел возле него две ночи, а затем, как только увидел некоторые шансы на выздоровление, приказал отвезти себя на вокзал.

Я ошибся временем, и мне предстояло целый час дожидаться. Я стал бродить по улицам, все еще думая о моем бедном больном, как вдруг ко мне подошел какой-то субъект.

Я не говорю по-немецки, а он не знал французского языка. Наконец я понял, что он предлагал мне мощи. Мысль о вещице на память для Жильберты пронизала мне сердце; я вспомнил ее фанатическую набожность. Вот мой подарок и найден! Я пошел за торговцем в магазин предметов церковного обихода и выбрал там «непольшой кусочек останков отиннадцати тысяч тефственниц».

Мнимые мощи были заключены в восхитительную коробочку под

старинное серебро, которая окончательно и решила мой выбор.
Я положил вещицу в карман и сел в поезд.
Приехав домой, я захотел еще раз взглянуть на свою покупку. Достал ее… Коробочка оказалась открытой, и мощи потерялись! Я как следует обшарил карман, вывернул его, но крошечная косточка, с половину булавки, исчезла.
Как тебе известно, дорогой аббат, особенно пылкой верой я не отличаюсь; у тебя хватает великодушия и дружбы относиться к моей холодности терпимо и не настаивать — в ожидании будущего, как ты говоришь; но уже в мощи, продаваемые торговцами благочестия, я безусловно не верю, и ты разделяешь мои решительные сомнения на этот счет. Итак, потеря этого крошечного кусочка бараньей косточки меня нисколько не опечалила; я без труда раздобыл точно такой же и тщательно приклеил его внутри моего сокровища.
И я отправился к невесте.
Едва увидев меня, она бросилась ко мне навстречу, робея и смеясь:
— Что же вы мне привезли?
Я притворился, что забыл об этом, она не поверила. Я заставил ее просить, даже умолять, и когда увидел, что она умирает от любопытства, подал ей священный медальон. Она замерла в порыве радости.
— Мощи! О, мощи!
И страстно поцеловала коробочку. Мне стало стыдно за свой обман.
Но вдруг ею овладело беспокойство, тотчас же перешедшее в ужасную тревогу. Глядя мне прямо в глаза, она спросила:
— А вы уверены в том, что они настоящие?
— Совершенно уверен.
— Почему?
Я попался. Признаться, что косточка была куплена у уличного торговца, значило погубить себя. Что же сказать? Безумная мысль пронеслась у меня в мозгу, и я ответил, понизив голос, с таинственной интонацией:
— Я украл их для вас.
Она взглянула на меня огромными глазами, изумленными и полными

восторга.
— О, вы украли их!.. Где же?
— В соборе, из раки с останками одиннадцати тысяч девственниц, — сказал я.
Сердце ее сильно билось; от счастья она была почти без чувств и пролепетала:
— О, вы сделали это… ради меня… Расскажите же… расскажите мне все!
Все было кончено, отступать я не мог. Я сочинил фантастическую историю с точными и захватывающими подробностями. Я дал сто франков сторожу, чтобы осмотреть собор одному; раку в это время ремонтировали; но я попал в тот самый час, когда рабочие и причт завтракали; приподняв какую-то створку, которую я затем тотчас же тщательно приладил на место, я успел выхватить оттуда (о, совсем крошечную!) косточку из множества других (я говорю «множества», думая о том, сколько же должно быть останков у одиннадцати тысяч скелетов девственниц). Затем я отправился к ювелиру и купил достойную оправу для мощей.
Я не отказал себе в удовольствии упомянуть ей мимоходом, что медальон обошелся мне в пятьсот франков.
Но она и не думала об этом; она слушала меня, трепеща, в экстазе. Она прошептала: «Как я вас люблю!» — и упала в мои объятия.
Заметь: я совершил из-за нее кощунство — я украл; я осквернил церковь, осквернил раку; осквернил и украл святые мощи. За это она обожала меня, находила меня нежным, идеальным, божественным. Такова женщина, дорогой аббат, такова вся женщина.
В течение двух месяцев я был самым восхитительным из всех женихов. Она устроила нечто вроде великолепной часовни, чтобы водворить там частицу котлетной косточки, побудившую меня, как она верила, пойти на такое дивное преступление во имя любви; и она ежедневно замирала в восторге перед ней утром и вечером.
Я просил ее хранить тайну, боясь, как я говорил, что меня могут арестовать, осудить, выдать Германии. Она сдержала слово.
Но вот в начале лета ее охватило безумное желание увидеть

место моего подвига. Она так долго и так усердно упрашивала отца (не открывая ему тайной причины), что он повез ее в Кельн, скрыв от меня, по желанию дочери, эту поездку.
Мне нечего тебе говорить, что внутрь собора я и не заходил. Я не знаю, где находится гробница (если она только существует) одиннадцати тысяч девственниц. Увы! По-видимому, гробница эта неприступна.
Неделю спустя я получил от нее десять строк, возвращавших мне слово, и объяснительное письмо от отца, задним числом посвященного в тайну.
При виде раки она сразу поняла мой обман, мою ложь, но в то же время и мою истинную невиновность. Когда она спросила у хранителя мощей, не было ли тут когда-нибудь кражи, тот расхохотался, доказывая всю неосуществимость подобного покушения.
И вот, с той минуты, когда оказалось, что я не совершил взлома в священном месте, не погрузил богохульственной руки в чтимые останки, я более не был достоин моей белокурой и утонченной невесты.
Мне отказали от дома. Тщетно я просил, молил; ничто не могло растрогать набожную красавицу.
С горя я заболел.
На прошлой неделе ее кузина, которая одновременно приходится кузиной и тебе, г-жа д’Арвиль, попросила меня зайти к ней.
Я могу быть прощен на следующих условиях. Я должен привезти мощи какой-нибудь девственницы или мученицы, но настоящие, доподлинные, засвидетельствованные нашим святейшим отцом папой.
Я готов сойти с ума от затруднений и беспокойства.
В Рим я поеду, если нужно. Но не могу же я явиться к папе и рассказать ему о своем дурацком приключении. Да я и сомневаюсь, чтобы подлинные мощи доверялись частным лицам.
Не можешь ли ты дать мне рекомендацию к кому-либо из кардиналов или хотя бы к кому-нибудь из французских прелатов, владеющих останками какой-либо святой? И нет ли у тебя самого в твоих коллекциях требуемого драгоценного предмета?
Спаси меня, дорогой аббат, и я обещаю тебе обратиться десятью

годами раньше!
Г-жа д’Арвиль горячо принимает все это к сердцу, и она сказала мне:
— Бедной Жильберте никогда не выйти замуж.
Мой старый товарищ, неужели ты допустишь, чтобы твоя кузина умерла жертвой глупой проделки? Умоляю тебя, помешай ей стать одиннадцать тысяч первой девственницей.
Прости меня, я недостойный человек; но я обнимаю и люблю тебя от всего сердца.

Твой старый друг
Анри Фонталь.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 17 октября 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994
Перевод А.Н. Чеботаревской. Hekaýalar